

политика

Д.А.Давыдов

РОССИЯ:

ОТ ОБЩЕСТВА С РЕНТНОЙ ЭКОНОМИКОЙ К РЕНТНОМУ ОБЩЕСТВУ¹

Ключевые слова: рентное общество, рента, капитализм, социализм

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе», поддержанному грантом РГНФ №15-03-00124.

Тот факт, что Россия находится сейчас в очень сложном положении, практически общепризнан. Кризис, поразивший экономику страны, приобретает системный характер, что неизбежно порождает дискуссии о путях его преодоления. Прежде всего на повестке дня стоит вопрос о диверсификации экономики, об уходе от сырьевой зависимости. Ведь сегодняшняя Россия de facto представляет собой страну-рантье, потребляющую блага, получаемые из недр земли. Слово «рента», по сути, означает нетрудовой доход, никак не связанный с производством товаров или услуг, способных конкурировать на свободном рынке. Благодаря продаже энергоресурсов в руки российского государства и общества попадают легкие деньги, что приводит к так называемому «нефтяному проклятью»: приток нефтедолларов купирует всякую инициативу и стремление к структурным реформам. Не менее опасным последствием подобного состояния дел является то, что Ричард Саква определяет как «нигерийский недуг»: «...огромная природная рента поощряет коррупцию и взращивает обособленную от общества политическую элиту, отправляющую миллиарды долларов в швейцарские банки, в то время как национальная инфраструктура приходит в упадок, а большинство населения нищает»².

² Саква [Sakwa] 2010: 118.

Ситуация, сложившаяся в нашей стране, заставляет задуматься о жизнеспособности либеральной модели экономики в российских условиях. В принципе неолиберализм не привел еще ни одну развивающуюся страну к процветанию. О том, чем это обусловлено, убедительно рассказывается, в частности, в книге известного норвежского экономиста Эрика Райнерта «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными»³. Для развивающейся страны рыночная экономика означает наплыв дешевых иностранных товаров, а тем самым — вытеснение национальной промышленности и постепенный переход в разряд сырьевых придатков. Не случайно все развитые страны мира прошли через стадию протекционизма.

³ Райнерт [Reinert] 2011.

Руководствуясь подобной логикой, можно предположить, что рецепт избавления России от рентной зависимости достаточно незамысловат — активное вмешательство государства в экономику с целью реиндустриализации, а также умелое использование ситуации с западными санкциями. По сути дела, речь идет о построении национальной

модели промышленного капитализма, защищенного от посягательств со стороны глобального рынка.

В теории все, казалось бы, выглядит убедительно, однако здесь, на наш взгляд, не учитывается другая болезнь российского общества, постепенно становящаяся все более тяжелой. Мы привыкли считать, что рентный недуг затрагивает только государство и олигархическую верхушку. Но сама по себе проблема рентных отношений этим не исчерпывается. В недавно опубликованной статье, написанной в соавторстве с Леонидом Фишманом⁴, мы выдвинули гипотезу о том, что современный капитализм постепенно трансформируется в рентное общество, в рамках которого подавляющая часть населения живет за счет той или иной формы ренты (включая ренту с научно-технического прогресса). Разумеется, мы отнюдь не хотим сказать, что в рентном обществе никто не выполняет никакой работы. Речь идет скорее о затухании «духа капитализма», как его описывал Вернер Зомбарт⁵, то есть таких черт в общественном менталитете, как бережливость, трудолюбие, готовность идти на риск и т.д. Современный рядовой рантье стремится не к максимизации прибыли, а к минимизации трудозатрат, в которых видит не более чем «неудобство» на пути к дешевым развлечениям. Подобная установка во многом аналогична той, что господствовала в феодальном обществе, где труд рассматривался лишь как средство обеспечить *жизненный минимум*. В условиях складывающегося рентного общества довольно сложно представить себе развитие капитализма (тем более в непростой внешнеполитической обстановке), ибо капитализм предполагает народную инициативу, а с инициативой, как и с трудолюбием, дело в рентном обществе обстоит не лучшим образом.

⁴ См. Фишман, Давыдов [Fishman, Davydov] 2015.

⁵ См. Зомбарт [Sombart] 2005.

Феномен массовизации ренты

Если в западных странах рентное общество только зарождается и мы можем наблюдать пока лишь отдельные его проявления, то в России «дух рантьерства» присутствует уже сравнительно давно. Тем не менее, прежде чем переходить к анализу российского опыта, целесообразно вкратце остановиться на тех факторах, которые способствуют становлению рентного общества в западном мире, отражая общие тенденции трансформации капиталистической модели организации экономики.

1. *Рента с научно-технического прогресса*. Внутреннее противоречие современного капитализма заключается в том, что индустрия развлечений, превратившаяся в последние годы в одну из самых динамично развивающихся отраслей экономики, ведет к интеллектуальной деградации подрастающего поколения, тогда как реальный производительный труд сегодня — это труд в областях, требующих высокого интеллектуального потенциала. Как следствие, складывается система, в которой меньшинство, именуемое Гаем Стэндингом *салариатом*⁶, производит избыток дешевых материальных благ, подстраиваясь тем самым под спрос рантье.

⁶ См. Стэндинг [Standing] 2014.

2. *Международная рента.* Как уже говорилось, рантье стремятся к минимизации трудозатрат. И хотя рядовые получатели ренты пока не выключены из производственного процесса, уровень их реального благосостояния существенно превосходит производительность их труда. В основе такого положения вещей лежат конкурентные преимущества развитых стран по сравнению со странами третьего мира. Богатые страны эксплуатируют бедные, выкачивая из них трудовые, сырьевые и иные ресурсы. Подобная международная рента устремляется не только на счета глобальных корпораций, но и в системы государственного распределения, тем самым доходя и до обычных граждан.

3. *Государственная рента.* Важнейшим агентом, созидающим ренту, является государство⁷. И дело здесь не только в общеизвестном феномене поиска ренты, концептуализированном Гордоном Таллоком⁸. Не меньшее значение имеет еще одна, гораздо менее обсуждаемая область социальной политики. Рассмотрим ее на примере США.

⁷ См. Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast] 2011.

⁸ См. Таллок [Tullock] 2011.

Продвижение кейнсианской идеи о необходимости стимулирования массового спроса привело к быстрому росту в США иждивенческих настроений. «В Соединенных Штатах что-то не в порядке со стремительно расширяющейся системой социального обеспечения, под прикрытием которой постоянно растущая доля населения может вести праздную жизнь паразитов, требовательно претендующих на то, что производит остальная часть населения», — еще в 1970-е годы констатировал известный либертарианский теоретик Мюррей Ротбард, с тревогой отмечавший, что «за период небывалого процветания с 1955 по 1976 год число людей, получающих пособия, увеличилось в пять раз — с 2,2 до 11,2 млн.»⁹.

⁹ Ротбард [Rothbard] 2009: 164.

При том что начавшаяся чуть позже неолиберальная волна несколько ослабила данную тенденцию, спрос на пособия продолжал расти. Продолжало расти и число получателей таковых, а также их доля в населении страны. Так, согласно подсчетам Бюро переписи населения США, по состоянию на конец 2012 г. к семьям, получавшим федеральные социальные пособия, принадлежали 35,4% жителей Соединенных Штатов. С учетом же участников программы бесплатной медицинской помощи, ветеранов и безработных, которым предоставлялся ряд негосударственных финансовых льгот, общее число лиц, поддерживаемых социальными выплатами, достигало 153 млн. 323 тыс. человек, или 49,5% всех американцев¹⁰.

¹⁰ <http://dni.ru/economy/2014/8/21/278584.html>.

4. *Неолиберализм.* Неолиберальная идеология продвигалась в том числе и с целью борьбы с социальным иждивенчеством. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер полагали, что, если снизить налоги и урезать социальные расходы, экономика оживится. Однако на практике оказалось, что подобный курс лишь создает благоприятную почву для развития мобильных транснациональных корпораций, безразличных к рабочей силе. В результате — рост коэффициента Джини, фактическое замораживание реальных доходов граждан в докризисное время и резкое снижение их с наступлением финансово-экономического

кризиса 2007—2008 гг. Как отмечает Джозеф Стиглиц, в период с 2007 по 2010 г. средний доход представителя среднего класса в США сократился почти на 40%, достигнув уровня начала 1990-х годов¹¹.

¹¹ См. Стиглиц [Stiglitz] 2015: 13.

Как следствие, неолиберализм порождает у людей чувство бессилия. Вместо того чтобы получать образование, а затем продвигаться по карьерной лестнице, многие выбирают путь потребителя, готового довольствоваться минимальным набором имеющихся благ. Параллельно растет численность *прекариата* — нового класса, объединяющего лиц с нестабильным социально-экономическим положением¹², не имеющих ни постоянной работы, ни социальных гарантий. На первый взгляд может показаться, будто прекариатизация, переносящая человека в пространство постоянной конкуренции за временные контракты, и является той силой, которая способна пробудить в людях инициативу, держать их в постоянном тонусе. Однако это не так. В прекариатизированном культурном пространстве зреет то, что может поспособствовать окончательному утверждению рентного общества. Это сравнительно давняя, но актуализировавшаяся сегодня идея *базового дохода*, которую прекариат начинает продвигать на политической арене. Базовый доход, то есть пособия, выплачиваемые человеку просто за факт гражданства и обеспечивающие ему минимальный уровень материальных благ, — лишь более удобный (прямой) способ извлечения общественной ренты. В культурной среде, благоприятствующей нереклексивному потреблению дешевых материальных благ, подобные пособия превратят в рантье большую часть населения развитых стран.

¹² См. Стэндинг [Standing] 2014.

Помимо перечисленных факторов имеется и ряд других, влияющих на становление рентного общества опосредованно. К их числу относится, например, сдвиг в потребительских установках. Как отмечал в свое время Торстейн Веблен, одним из важнейших движителей капитализма является демонстративное потребление. Люди соревнуются друг с другом, стремясь к достижению все более высоких стандартов потребления, рассматриваемых в качестве индикатора принадлежности к соответствующей статусной категории. Это касается всех — от капиталистов до рядовых рабочих, пытающихся подражать богачам. По мнению Веблена, гонка демонстративного потребления не должна была закончиться никогда, ибо по мере роста совокупного богатства появляются все новые предметы зависти, подстегивающие погоню за деньгами¹³. Однако похоже, что применительно к современному западному обществу данное заключение уже не так актуально, как это было не только в конце позапрошлого столетия, когда вышла в свет «Теория праздного класса», но и несколько десятилетий назад. Об этом свидетельствует, в частности, неуклонный рост числа так называемых *гиков* (geek), фанатично увлеченных какими-то направлениями или аспектами популярной культуры. Изначально это были люди, одержимые высокими технологиями (компьютерами, гаджетами и т.п.), но сегодня гик-культура охватывает собой огромное множество сообществ: от коллекционеров вкладышей от жевательных резинок до любителей комиксов и ролевых

¹³ См. Веблен [Veblen] 1984.

¹⁴ <http://mag.afisha.ru/stories/70-glavnyh-geroev-veshej-i-yavlenij-gik-kultury/>.

онлайн-игр¹⁴. Для таких людей гораздо важнее вхождение в свое культурное сообщество, нежели приобретение дома или, скажем, роскошного автомобиля. Зачастую работа воспринимается ими как нечто второстепенное, как средство поддержания необходимого жизненного минимума. У гика может не быть собственного жилья, но зато в его коллекции будут представлены раритетные выпуски комиксов и т.д.

Россия как становящееся рентное общество

¹⁵ См. Вебер [Weber] 1990.

Капитализм — это не только рыночная экономика и свобода предпринимательства. Без особых сопутствующих культурно-исторических факторов (будь то протестантская этика¹⁵ или мещанская культура) капитализм никогда бы не возник и не смог существовать. Сегодня сложно говорить о наличии в России хоть каких-то проявлений «духа капитализма». Российский «капитализм» носит рентный характер. То, что называют подъемом нашей страны, «вставанием с колен» и т.п., есть не что иное, как результат благоприятной конъюнктуры цен на ключевые энергоресурсы (15 июня 1998 г. баррель нефти стоил 10,57 долл., в то время как 2 июля 2008 г. — 146 долл.). Учитывая сложившуюся ситуацию, неудивительны разговоры о необходимости реиндустриализации, восстановления и развития реального сектора экономики, наукоемких ее отраслей. Путь к избавлению от «нефтяной иглы», по сути, видится в развитии капитализма таким, каким он *должен* быть. Но на этом пути, на наш взгляд, возникает ряд серьезных препятствий. Ведь Россия не просто страна-рантье, но еще и становящееся *рентное общество*. Иными словами, корень наших нынешних социально-экономических проблем не только в нефтяной олигархии, зависимости от внешней ценовой конъюнктуры и отсутствии у руководства стимулов к развитию реального сектора экономики, но и в психологии рядовых граждан, в специфике отечественной культуры, а также в глубинных сдвигах в ментальности, произошедших за годы, когда перераспределение сырьевой ренты все больше превращалось в источник существования растущего числа россиян.

У России свой путь перехода к рентному обществу, во многом отличающийся от того, по которому движутся западные страны. И если в последних рентное общество теоретически может быть устойчивой формацией, то в российских условиях скатывание в рентное состояние чревато экономической катастрофой.

Рассмотрим факторы, благоприятствующие становлению рентного общества в России.

1. *Необоснованный рост материального благосостояния*. Согласно данным, приводимым зав. кафедрой экономической теории СПбГУ Виктором Рязановым, за 1999—2007 гг. ВВП России «в текущих ценах увеличился с 4,8 до 33,1 трлн. руб., то есть в 6,9 раз. Его увеличение в сопоставимых ценах составило 74%. При этом среднемесячная номинальная зарплата возросла с 1523 руб. до 13542 руб. (в 8,9 раз) или в пересчете по обменному курсу с 61 до 529 долл. (в 8,7 раз). <...> За этот

¹⁶ С.М. Рязанов
[Rjazanov] 2011:
158.

¹⁷ Левинский
[Levinsky] 2013.

же период реальные доходы населения в целом возросли в 2,4 раза»¹⁶. И такой рост никоим образом не был связан с повышением производительности труда, то есть *реальной* эффективности производства. Производительность труда в России сейчас в 3—4 раза ниже, чем в развитых странах; в электроэнергетике она не превышает 15% от уровня США, в жилищном строительстве — 21%, в розничном банковском бизнесе — 23% и т.д.¹⁷ Но когда трудозатраты и эффективность труда остаются относительно стабильными, любой прирост доходов является рентой. В подобных условиях у человека искажаются представления о своем труде, о значимости инициативы и трудовых усилий для достижения результата. Зачем рисковать или усердно работать, если и без того зарплата медленно, но верно растет (а кризис можно переждать)? И здесь мы можем наблюдать ситуацию, в которой формируется психология, типичная для рантье. Ведь рантье — это тот, кто стремится занять определенную нишу, гарантирующую стабильный доход при минимальных трудозатратах.

2. *Патернализм*. Но рантье — это еще и тот, чье благосостояние зависит скорее от обстоятельств или конкретного положения дел, нежели от труда или инвестиций. В рамках сложившейся в России системы многие связывают свое материальное благополучие с деятельностью государства. Выступая с теми или иными инициативами в области социальной политики, государство, в свою очередь, стремится повысить лояльность населения. В последнее время из уст государственных деятелей часто можно услышать апелляции к традиционным ценностям, к необходимости единения государства и общества. Однако именно традиционалистски настроенные россияне наиболее подвержены рантьерству. Как отмечает Кирилл Холодковский, «для нынешних традиционалистов характерны патерналистские ожидания по отношению к государству, ориентация на „хороших руководителей“, предпочтение общества социального равенства обществу индивидуальной свободы, недоверие к Западу, мнение, что модель западной демократии России не подходит, и т.д.»¹⁸. При этом традиционалисты, как правило, «убеждены, что без материальной поддержки со стороны государства прожить сложно»¹⁹.

¹⁸ Холодковский
[Kholodkovsky]
2011: 88.

¹⁹ Там же.

3. *Поиск «теплых местечек»*. В знаменитом историческом исследовании Зомбарта «Буржуа: К истории духовного развития современного экономического человека» приведено немало примеров того, как развитие капитализма прерывалось или останавливалось еще в зародыше, а «предпринимательский дух» мутировал в «дух рантьерства». Некоторые черты описываемой Зомбартом Франции XVI—XVII вв. невольно вызывают в памяти современные российские реалии: «...Красной нитью проходит через всю французскую хозяйственную историю задержка развития капитализма вследствие другой особенности или, как говорят враждебно настроенные к капитализму судьи, дурной привычки французского народа — его предпочтения обеспеченного (и уважаемого) положения чиновника. Эта язва погони за должностями... французское

чиновниче безумие... с которым соединено презрение к промышленным и коммерческим профессиям, начинается с XVI столетия и не исчезла еще и сегодня. Она показывает незначительную силу, которую имел во Франции капиталистический „дух“ с давних пор: кто только мог, удалялся от деловой жизни или избегал в нее вступать и употреблял свое имущество, чтобы купить себе должность (что вплоть до XVIII столетия было повсюду возможно). История Франции — доказательство распространения этого обычая на все слои населения»²⁰.

²⁰ Зомбарт
[Sombart] 2005:
183.

В годы, непосредственно предшествовавшие кризису 2008—2010 гг., в России наблюдался лавинообразный рост популярности профессии государственный служащий. В университетах стала массово открываться специальность «Государственное и муниципальное управление», и в приемных комиссиях выстраивались огромные очереди из желающих ее получить. Сегодня, в сущности, мало что изменилось. Работать в сфере государственного управления чрезвычайно престижно. Но одним престижем преимущества данной работы, разумеется, не ограничиваются, ведь именно государственная служба обеспечивает стабильный доход и возможность продвижения по карьерной лестнице при минимальных трудозатратах. При нынешнем разбухании государственного аппарата можно говорить о десятках тысяч случаев, когда набор должностных обязанностей конкретного госслужащего фактически позволяет ему работать не более двух-трех часов в день. Есть, разумеется, и примеры обратного свойства; но их, похоже, на порядок меньше.

4. *Апелляции к «духовным скрепам».* Как уже отмечалось, в российских управленческих кругах все более популярным становится традиционалистский дискурс. Причин тому можно найти множество. Например, Россия стоит на пороге нового демографического кризиса, обусловленного тем, что в детородный возраст входит малочисленное поколение родившихся в депрессивные 1990-е годы. Полностью осознавая наметившуюся проблему, руководство страны пытается влиять на демографию посредством манипуляции ценностями и предпочтениями граждан. На помощь, как это обычно и бывает в подобных ситуациях, приходит Церковь. Но как повышение влияния РПЦ скажется на экономике? Опираясь на заключения Макса Вебера²¹, можно предположить, что ничего хорошего в экономическом смысле из этого не выйдет, ибо по канонам Православной церкви погоня за деньгами (читай: земными благами) ни в коей мере не может считаться богоугодным делом. Как выразился протоирей Андрей Ткачев, «богат не тот, кто имеет много, но тот, кому хватает того, что есть»²².

²¹ См. Вебер
[Weber] 1990.

²² Ткачев [Tkachev]
2011.

Интерес властей к РПЦ и православию как таковому объясняется и еще одним обстоятельством. В условиях экономического кризиса и обострения внешнеполитической ситуации ценности нестяжательства, как бы противостоящие потребительской и материалистической культуре Запада, способствуют поддержанию *общественного порядка*, сосредоточивая национальную идентичность вокруг единого *патрио-*

тического центра. В целом уже трудно отличить, где кончается патриотизм и начинается религия, — все переплетено. Логика здесь незамысловата: да, жить стало хуже, доходы падают, и неизвестно, когда мы выберемся из кризиса, но мы единая суверенная страна и не позволим кому-либо диктовать нам свою волю. В некотором смысле подобная установка может быть полезной, но она чревата довольно серьезными побочными последствиями. Терпеливость и готовность жертвовать во имя общего блага — издревле одобряемые черты национального характера. Однако стоящие за ними умонастроения вполне могут оказаться сродни типичным для рантье: мы решим свои проблемы не трудом, а сокращением расходов, оставаясь, по сути, на прежнем месте.

Становлению рентного общества в России способствуют и другие факторы. Многие из них дублируют те, что описывались выше как актуальные для Запада, ибо часть населения нашей страны уже довольно давно восприняла культурные паттерны западной цивилизации. Но имеется и национальная специфика. Например — разрыв в экономическом и культурном развитии регионов страны. Глубина этого разрыва настолько велика, что некоторые исследователи даже говорят о наличии не одной, а трех Россией, резко различающихся по развитию инфраструктуры, а также по уровню и качеству жизни²³. В подобной ситуации едва ли приходится удивляться тому, что молодые люди стремятся переехать из сел в города, из небольших городов — в региональные центры, из депрессивных регионов — в развитые и, разумеется, в столицу. Такого рода «повальная миграция», помимо всего прочего, говорит о том, что высокий уровень жизни теперь ассоциируется не столько с трудовыми усилиями, сколько с местом жительства. При этом данная тенденция создает благоприятную почву для расцвета и вполне конкретной прослойки рантье — тех, кто, пользуясь огромным спросом на жилье в крупных городах, живет за счет сдачи в аренду жилых помещений.

Рассмотрим еще один фактор, связанный с экономико-географической структурой страны. Неравенство в развитии отдельных территорий РФ вынуждает государство заниматься выравниванием уровня жизни путем перераспределения бюджетных денег из одних регионов в другие. Иными словами, речь, по сути, идет о целых регионах-рантье, получающих федеральные дотации. Пример с Чеченской Республикой — лишь самый яркий и обсуждаемый из многих. Похожая ситуация с городами. В наследство от советской эпохи современной России досталось большое количество моногородов. Нередко это довольно крупные промышленные центры, население которых целиком и полностью зависит от градообразующего предприятия. В условиях экономического кризиса руководство таких предприятий в связке с местными властями искусственно сдерживает рост безработицы, то есть пытается сохранить рабочие места, даже если в них нет особой нужды. Как объяснил журналу «Forbes» один из предпринимателей, «я хоть сейчас сокращу персонал на треть, но мой завод один в городе, на нем почти все население работает, и никто мне этого не позволит»²⁴.

²³ См. Зубаревич [Zubarevich] 2012.

²⁴ Левинский [Levinsky] 2013.

Наконец, обратимся к ситуации в высшем образовании. По мере распространения рентных установок все большей популярностью стали пользоваться профессии, которые пусть не сулят высокого заработка, но и не требуют чрезмерных усилий, то есть позволяют сидеть в уютном офисе, выполняя несложную работу. В итоге мы имеем переизбыток специалистов с гуманитарным образованием. В последнее время Министерство образования пытается как-то скорректировать дисбаланс (перераспределяя бюджетные места в вузах в пользу технических специальностей), но вопрос об эффективности такой политики остается открытым: сколько выпускников, закончивших технические вузы, пойдут работать по специальности?

* * *

Итак, Россия находится сегодня в непростой ситуации, грозящей ей рентной стагнацией. В настоящей статье мы хотели показать, что рента — очень сложный феномен, который затрагивает не только государство и олигархическую верхушку, но также жизнь рядовых людей и повседневную культуру. Рентное общество отнюдь не является обществом изобилия. Это скорее общество, в котором людям гораздо проще придерживаться минимализма во всем, нежели бороться за высокие статусные позиции. Однако именно беспощадная конкуренция и страсть к обогащению суть то, без чего непредставимо существование здоровой капиталистической экономики.

Дальнейшее развитие капитализма в России, на наш взгляд, наталкивается на целый ряд препятствий. Но даже если допустить, что мы преодолеем имеющиеся преграды и выйдем на путь развитых стран с диверсифицированной экономикой, то все равно рано или поздно столкнемся с распространением массовой ренты. От Запада Россию отличает лишь природа основного источника ренты: в первом случае это НТП и индустрия развлечений, во втором — рост доходов, не зависящий от производительности труда.

В связи с вышесказанным представляется вероятным, что в будущем нас ждет новый взлет популярности социалистических идей. Социализм окажется своеобразным инструментом преодоления рентного состояния, тем более что в рамках последнего рынок постепенно теряет свои конкурентные преимущества по сравнению с плановой экономикой. С учетом постепенного развития технологий, упрощающих процесс управления, данная перспектива видится вполне реальной. Но на пути к достижению этой цели левые неизбежно столкнутся с проблемами, решение которых потребует трансформации их идейных установок, ведь, уничтожив нефтяную олигархию и раздав деньги населению, социалистическое правительство просто перенаправит ренту из одних рук в другие, сделав рентное общество еще более рентным. Соответственно, если мы и увидим «торжество социализма» в обозримом или отдаленном будущем, то это будет уже другой социализм, глав-

ным врагом которого станет не бедность и даже не эксплуатация, а рента во всех ее проявлениях.

Тем не менее обратить внимание на проблематику рентного общества необходимо уже сегодня. Побороть рентное общество или хотя бы замедлить его становление можно и в рамках действующей общественно-политической системы. Среди мер, которые могли бы обеспечить продвижение в данном направлении, прежде всего следует отметить поиск «золотой середины», при которой рост благосостояния граждан (если нефть вновь подорожает) окажется сопоставимым с ростом производительности труда. Еще одна возможная мера — инвестирование бюджетных излишков в общественную инфраструктуру. Совершенствование образования, здравоохранения, культуры само по себе означает улучшение качества жизни. Однако, в отличие от необоснованного роста доходов, общественная инфраструктура способствует развитию личности, а не потребителя-рантье.

Библиография

Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990. Protestantskaja etika i dukh kapitalizma // Weber M. Izbrannye proizvedenija. — М.].

Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса*. — М. [Veblen Th. 1984. Teorija prazdnogo klassa. — М.].

Зомбарт В. 2005. *Буржуа: К истории духовного развития современного экономического человека*. — СПб. [Sombart W. 2005. Burzhua: K istorii dukhovnogo razvitija sovremennogo ehkonomicheskogo cheloveka. — SPb.].

Зубаревич Н. 2012. Современная Россия: география с арифметикой // *Отечественные записки*. № 1 [Zubarevich N. 2012. Sovremennaja Rossija: geografija s arifmetikoij // Otechestvennye zapiski. № 1].

Коллинз Р. 2015. Средний класс без работы: выходы закрываются // *Есть ли будущее у капитализма?* — М. [Collins R. 2015. Srednij klass bez raboty: vykhody zakryvajutsja // Est' li budushhee u kapitalizma? — М.].

Левинский А. 2013. В каких отраслях работают самые неэффективные российские компании // *Forbes*. 8.10 [Levinsky A. 2013. V kakikh otrasljakh rabotajut samye neehfektivnye rossijskie kompanii // Forbes. 8.10] (<http://www.forbes.ru/kompanii/245905-v-kakikh-otraslyakh-rabotajut-samye-neeftivnye-rossiiskie-kompanii>).

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М. [North D., Wallis J., Weingast B. 2011. Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. — М.].

Райнерт Э.С. 2011. *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными*. — М. [Reinert E.S. 2011.

Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi. — М.].

Ротбард М. 2009. *К новой свободе: Либертарианский манифест*. — М. [Rothbard M. K novojj svobode: Libertarianskij manifest. — М.].

Рязанов В.Т. 2011. Экономика рентных отношений // *Христианские чтения*. № 4 [Rjazanov V.T. 2011. Ehkonomika rentnykh otnoshenij // Khristianskie chtenija. № 4].

Саква Р. 2010. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // *Неприкосновенный запас*. № 6 [Sakwa R. 2010. Syr'evoj sektor Rossii: ehkonomika kontrolja i politika renty // Neprikosnovennyj zapas. № 6].

Стиглиц Дж. 2015. *Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. — М. [Stiglitz J. 2015. Cena neravenstva: Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu. — М.].

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат: Новый опасный класс*. — М. [Standing G. 2014. Prekariat: Novyj opasnyj klass. — М.].

Таллок Г. 2011. *Общественные блага, перераспределение и поиск ренты*. — М. [Tullock G. 2011. Obshhestvennye blaga, pereraspredelenie i poisk renty. — М.].

Ткачев А. 2011. Разговор о богатстве // *Православие.ru: Интернет-журнал*. 25.05 [Tkachev A. Razgovor o bogatstve // Pravoslavie.ru: Internet-zhurnal. 25.05] (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/46706.htm>).

Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. 2015. От капитализма к рентному обществу? // *Полития*. № 1 [Fishman L.G., Davydov D.A. 2015. Ot kapitalizma k rentnomu obshhestvu? // Politeia. № 1].

Холодковский К. Г. 2011. Двойственность российской идентичности // *Полития*. № 1 [Kholodkovsky K. G. 2011. Dvojstvennost' rossijskoj identichnosti // Politeia. № 1].